

Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978, 218 с.

В сравнительно небольшой по объему книге коллективу авторов удалось раскрыть ведущие тенденции и основные закономерности формирования молдавской буржуазной нации (конец XIX — начало XX в.). Своеобразие избранной темы, а также сложность ее разработки в том, что в процессе формирования нации, как в фокусе, находят свое отражение экономические, политические, идеологические, социальные, культурные (включая языковые) процессы, а также процессы в сфере общественного сознания.

Раскрытию указанных процессов подчинена и структура книги. В ее первой главе, а также частично во введении и в заключении анализируется общее и особенное в формировании молдавской буржуазной нации; во второй главе раскрываются историко-этнические предпосылки ее создания, в том числе территориальные и демографические предпосылки становления и развития не только собственно нации, но и молдавской народности. Третья глава посвящена характеристике социально-экономической базы создания молдавской буржуазной нации; здесь показаны развитие капиталистических отношений в экономике, становление классовой структуры общества. В четвертой главе характеризуется национальная культура, в том числе развитие молдавского литературного языка, народное и профессиональное искусство, наука и просвещение. В пятой главе раскрываются национально-освободительные традиции, революционная борьба молдавского народа, говорится о формировании национального самосознания. Упущением следует считать отсутствие в книге специального раздела о государственно-правовых аспектах формирования молдавской буржуазной нации.

Большое значение для дальнейшей разработки теории национального вопроса в классовом обществе имеет рассмотрение на широком историко-социологическом фоне общего и особенного в формировании молдавской буржуазной нации. В частности, ценным в книге представляется вывод о том, что «главное стадийное отличие нации от народности заключается не в появлении у народности (? — М. Г.) какой-то якобы отсутствовавшей ранее экономической общности, а в целом комплексе социально-экономических изменений, обусловленных переходом от феодализма к капитализму» (с. 19). К сожалению, в приведенной цитате огорчает отмеченная вопросительным знаком досадная опечатка (вместо слова «нация» набрано «народность»). В этой же главе плодотворной представляется постановка вопроса о роли различных классов и социальных групп в национальном развитии.

Развитие буржуазных отношений, говорится в первой главе, является одним из признаков формирующейся нации. Тем не менее, здесь высказано положение, что в многонациональных государствах значительную роль в национальном развитии играет национальная интеллигенция, а не национальная буржуазия. Подобная точка зрения аргументируется тем, что буржуазия может играть на национальных чувствах, используя их, например, в конкурентной борьбе, но может и легко предать национальные интересы, если ей это выгодно. Кроме того, буржуазия непосредственно связана с развитием экономики, что в многонациональных государствах не разделяет, а скорее сближает нации. Что же касается национальной интеллигенции, то действительно, ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, разрабатывая национальную историю, развивая национальное искусство, она, тем самым, как говорится в книге, служит общенациональным целям, создает базу для развития и укрепления национального самосознания (с. 19).

Однако, во избежание недоразумений, здесь же, вероятно, следовало подчеркнуть, что речь идет прежде всего о передовой, прогрессивно настроенной части интеллигенции, так как значительная часть буржуазной интеллигенции, как правило, выступает выразительницей интересов класса буржуазии.

Общезвестно, что нация формируется на базе предшествовавшей ей общности людей — народности. Ввиду того, что по вопросу об образовании молдавской народности в исторической литературе и в настоящее время ведется оживленная полемика, в ходе которой выдвигаются порой тенденциозные теории, искажающие объективный исторический процесс, включение параграфа, в котором рассматривается этот вопрос, вполне правомерно. На основе последних достижений советских и зарубежных историков здесь освещаются вехи демографических процессов и показывается, что образование молдавской народности представляло собой длительный процесс, состоявший из двух этапов: 1) складывание этнической общности волохов; 2) формирование собственно молдавской народности.

Демографические аспекты развития молдавской буржуазной нации рассматриваются в широких хронологических рамках. Темпы роста населения в Бессарабии были выше, чем в целом по Российской империи, чему, по мнению авторов, способствовали три фактора: 1) большой естественный прирост; 2) переселения, происходившие стихийно; 3) государственно-помещичья колонизация.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что демографические процессы XIX в. в сильной степени повлияли на складывание национального состава населения края.

Многонациональность населения не могла не оказать влияния на формирование молдавской буржуазной нации. Межэтнические контакты, особенно с русскими и украинцами, привели к тому, что молдавская народная культура приобрела ряд особенностей, отличавших ее от культуры молдаван, живших за Прутом. Вероятно, можно было бы анализ территориальных и демографических аспектов формирования буржуазной нации завершить постановкой теоретического вопроса о численности населения как об одном из критериев при разработке типологии этнических общностей.

В третьей главе интенсивное экономическое развитие объясняется широким внедрением капиталистических форм производства в сельское хозяйство и промышленность (развитие крупных капиталистических хозяйств, применение вольнонаемного труда в сельском хозяйстве и промышленности, использование паровых двигателей и других машин, развитие железнодорожного и водного транспорта и т. д.). На этой основе образовался местный рынок в рамках общероссийского внутреннего рынка. Приведенный материал свидетельствует о том, что ввоз промышленных товаров из центральных районов России и вывоз из Молдавии сельскохозяйственных товаров на общероссийский и особенно на внешние рынки укрепляли капиталистические отношения в производстве и торговле. Итак, своеобразие складывания экономической общности молдавской нации состояло в преобладающей роли аграрно-торговой буржуазии, которая вместе с интеллигенцией молдавского происхождения была ведущей силой в развитии молдавской буржуазной нации.

Для формирования капиталистической нации существенные процессы, присходящие в национальной культуре и, прежде всего, в языке, литературе, искусстве. Характеризуя процессы формирования и развития национального молдавского языка, авторы справедливо отмечают, что «...понятие **национальный молдавский язык** (подчеркнуто авторами — М. Г.) охватывает все языковые проявления в среде молдавской национальной общности, т. е. литературный знак (в его письменной и устной формах), разговорный язык, интердиалекты, территориальные диалекты и говоры» (с. 81). Они указывают, что сведение национального языка лишь к его литературной форме нельзя считать правильным, ибо национальный язык в отличие от языка народности представляет собою сложное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального языка с нестандартизованными устными разновидностями речи. Ценным представляется анализ различных гипотез о происхождении молдавского языка. Убедительно показано, что севернодунайские типы восточнороманского языка уже изначально существовали в виде «двух диалектных разветвлений — молдавского и мунтянского». В дальнейшем эти различия стали еще более значительными, что дает полное основание говорить о сложении хотя и близкого к румынскому, но совершенно самостоятельного молдавского языка.

Уже на ранних этапах своего становления молдавская народная культура приобрела на территории Молдавии ряд своеобразных черт, отличавших ее от культуры Олтенции, Мунтении и Трансильвании. Это проявилось в том, что она тысячами нитей была связана с культурой России и Украины. Так, можно говорить о значительной близости основных художественных принципов как средневекового художественного ремесла, так и народного искусства у молдаван, русских и украинцев.

Анализ многовековой истории формирования основных характерных элементов материальной и духовной культуры молдавского народа убедительно показывает, что уже в эпоху феодализма в молдавской этнической общности формировались особенности, позднее ставшие фундаментом национальной культуры молдавской буржуазной нации.

При рассмотрении профессионального искусства молдавского народа авторы с полным основанием говорят о том, что именно складывание профессиональных форм искусства, выделение его из народного творчества и ремесла свойственно тому этапу развития этноса, когда можно говорить о формировании буржуазной нации. В профессиональном искусстве национальное самосознание проявляется наиболее определенно. Ставится также вопрос о роли народного искусства в развитии профессиональной художественной культуры. Для истории молдавской культуры характерно сравнительно позднее формирование профессионального искусства (80—90 гг. XIX в.). Однако задолго до этого растущее самосознание выражалось в народном искусстве, фольклоре. Даже после выделения профессионального искусства из народного творчества последнее играло особую важную роль, во многом определяя самобытность профессиональной художественной литературы, музыки и изобразительного искусства. Авторы раскрывают этот тезис на конкретных примерах, анализируя развитие различных видов профессионального искусства. «Главная характерная черта молдавской литературы, — пишут они, — в ее изначальной близости к фольклору, к устной традиции» (с. 128). В молдавской литературе XIX в. нет практически ни одного писателя, который не был бы так или иначе связан с исторической тематикой XVII—XVIII вв. или народными легендами. И. Некульче, Г. Асаки, К. Стамати, К. Негруци, М. Когэличану, А. Руссо, В. Александри, Б. П. Хашдеу, М. Эминеску, черпая сюжеты из прошлого, воспроизводили на страницах своих произведений яркие события, образы исторических личностей, широкие картины быта и нравов минувших эпох (с. 130).

Важное значение для формирования молдавской национальной культуры имело создание национального театра, ибо театр — один из показателей ее зрелости. История знает немало примеров, когда театральное искусство как бы аккумулирует в себе общенациональную проблематику. Проследивая основные этапы развития театра, авторы

пишут, что в конце XIX и начале XX в. театральное искусство уже настолько ярко выражало национальное самосознание народа, что было немаловажным фактором формирования молдавской буржуазной нации.

Аналогичные тенденции выявлены и в профессиональном изобразительном искусстве, начиная с Г. Асаки. Захваченный идеей культурного возрождения своей страны, он превратил свое искусство в орудие воспитания и национальной пропаганды. Как и другие виды искусства, молдавская профессиональная живопись складывалась под сильным воздействием русской художественной школы и самобытного народного творчества.

Хотя музыка как вид искусства, выражает общественную жизнь, классовые антагонизмы и национально-освободительную борьбу более опосредованно, развитие национального самосознания в этот период проявлялось в повышенном интересе к народной музыке. В этом смысле весьма показательна деятельность основателя музыкальной школы Бессарабии 90-х гг. XIX в. В. Гутора. Слав замечательных традиций молдавского музыкального фольклора и русской профессиональной художественной культуры определил особенности молдавской профессиональной музыки конца XIX — начала XX в., ярко проявившиеся во всей многогранной деятельности Кишиневского отделения Русского музыкального общества.

Как известно, специфика современных исследований проблем культуры состоит в комплексном подходе к пониманию ее как целостной системы. Важнейшими составными частями этой системы являются: 1) художественное творчество т. е. производство культурных ценностей; 2) фонд культуры, включающий опредмеченные результаты человеческой деятельности; 3) распространение культуры через сеть учреждений и с помощью средств массовой коммуникации; 4) потребление культуры и, наконец, 5) культурный уровень народа, т. е. степень вовлеченности народных масс в культурную деятельность.

Несомненной удачей авторов можно считать анализ молдавской культуры периода капитализма. В книге показана история создания молдавской профессиональной культуры — литературы и театра, живописи, науки и просвещения. И вместе с тем желательно было бы дать более развернутую характеристику процесса приобщения народных масс к профессиональной культуре. Тогда перед авторами встала бы важная задача изображения культурных очагов и культурной среды края. К числу упущений в книге можно отнести и слабое освещение развития образования как основы общего социально-культурного роста молдавского населения. Словом, если рассматривать культуру нации комплексно через призму названной выше формулы, то нетрудно заметить, что здесь возможны дальнейшие плодотворные разработки темы. Частично можно было бы их реализовать и в рецензируемой книге за счет более рационального распределения материала пятый главы, которая, кстати, в среднем в 2 раза больше по объему, чем остальные главы. Для понимания процесса складывания и функционирования буржуазной нации, в том числе перехода от культуры народности к культуре нации, первостепенное значение имеет выход за рамки традиционного изучения национальной культуры, особенно ее профессиональных форм, когда фонд культуры исследуется в отрыве от его создателей, а культурные ценности от их носителей.

Анализ национальной культуры, в том числе ее профессиональных слоев, конечно, нельзя считать завершенным без выявления и всестороннего описания ее самобытных черт, отражающихся в различных видах искусства. Однако, нельзя терять чувство меры в поисках этой самобытности. «В творчестве молдавских писателей,— говорится на с. 131,— нашли отражение именно молдавский характер, молдавский образ мышления, молдавский пейзаж, сюжеты молдавского фольклора». В этой фразе все можно принять, кроме «молдавского образа мышления» так как вряд ли можно считать, что народы отличаются друг от друга по «образу своего мышления».

Внимание исследователей в последнее время все больше и больше привлекает проблема периодизации национального развития. В книге сделана попытка при выделении периодов формирования молдавской буржуазной нации учитывать различные аспекты: экономический, социальный, демографический, культурный, языковой. Слов нет, создать обобщающую, так сказать, сквозную схему истории становления нации трудно, так как развитие отдельных сторон ее бытия и отдельных элементов ее культуры не всегда синхронны. К тому же между различными авторами, подчас, нет договоренности о выделении периодов социально-экономического или культурно-языкового развития.

Авторы рецензируемой книги констатируют (с. 61), что установление прочных экономических связей, является необходимым условием для складывания буржуазной нации. Развивая эту мысль, они пишут: «Для сложившегося местного рынка были характерны не только господство капиталистического производства, тесные экономические внутринациональные и широкие внешнеторговые связи, но и определенная динамика цен на важнейшие продукты производства и стоимость рабочей силы» (с. 73). Эти положения верны, но дело в том, что на современном этапе ученые пользуются другими методами для доказательства прочности экономических связей на какой-либо территории. Сегодня уже недостаточно привести примеры о торговом обороте, о наличии путей сообщения, и т. д. Как правило, изучается движение цен на определенной территории и на основе динамики этих цен делаются выводы о степени развития здесь экономических связей. «Можно с полным основанием заключить,— пишут авторы,— что в качестве этнической территории формирования молдавской капиталистической нации выступала в целом вся территория Бессарабии» (с. 54). И далее добавляют, что рубежи молдавской этнической территории (? — М. Г.) не ограничивались рамками края, а включали и некоторые районы Подольской и Херсонской губерний Украины.

Вопрос об определении этнических территорий — один из наиболее сложных в теории национальных отношений, и помня о старых спорах, авторам следовало бы проявить большую осторожность. Видимо, надо сначала договориться о критериях выделения этнической территории. Действительно, в одном случае, как видно из вышеприведенной цитаты, к молдавской этнической территории безоговорочно относятся и те районы Бессарабии, где удельный вес молдаван был невелик по сравнению с немолдавским населением, а в другом случае, в этническую территорию включаются некоторые районы Украины, поскольку в них имеется молдавское население (с. 55).

Сделанные на отдельных страницах книги, и прежде всего, в ее первой главе, выводы относительно общего и особенного в формировании молдавской буржуазной нации, несколько выходят за рамки обозначенной темы. В этом одно из достоинств книги. И, думается, если возникает вопрос относительно повторного ее издания, то желательно было бы первую главу поместить не в начале, а в конце книги. Дело в том, что здесь как бы заранее «задаются» отдельные выводы, которые затем в последующих главах раскрываются на конкретном материале.

Так, в первой главе интеллигенции отводится одна из главных ролей в формировании нации, поэтому во втором параграфе третьей главы следовало бы осветить этот вопрос полнее, а не ограничиваться несколькими фразами о наличии интеллигенции.

Кроме того, целесообразно было бы уделить больше внимания и вопросу о формировании буржуазии, ее национальном составе, показать какими капиталами она располагала, размах ее предпринимательской деятельности и т. д. К числу достоинств первой главы относится и то, что в ней, в отличие от многих других исторических работ, затронутая тема не закрывается, а открывается для новых исследований. Это еще один аргумент в пользу того, чтобы завершить ею книгу.

Следующий шаг в исследовании проблем формирования буржуазной нации состоит в том, чтобы перейти от анализа одной нации к общесоциологическим, историко-культурным, языковым и психологическим аспектам формирования буржуазных наций в более широком хронологическом и географическом континууме. На очереди рассмотрение широкого круга национальных проблем в связи с генезисом капитализма и сменой феодальных отношений капиталистическими: этнодемографическими, этносоциальными, этнокультурными, этноязыковыми и этнопсихологическими процессами в связи с классовой борьбой и национально-освободительным движением народов. Особенно много в этом направлении сделал в последние годы Институт славяноведения и балканистики АН СССР, предпринявший ряд работ по изучению формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе на примере польского, чешского, словацкого, венгерского, сербского, болгарского и румынского народов¹. Видимо, аналогичные сравнительные исследования имеют смысл осуществлять и на примере многих народов нашей страны.

В рецензируемой работе сделан шаг к типологическим сопоставлениям за пределами одной нации. И именно это обстоятельство — выявление и постановка новых задач, наряду с уже решенными, делает рецензируемую книгу полезной и необходимой. Вне всякого сомнения, она привлечет к себе благожелательное внимание специалистов.

М. Н. Губогло

¹ См., напр., ряд историографических обзоров в книгах: «Основные проблемы балканистики в СССР», М., 1979; «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований». М., 1979.

А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, 213 с., карта.

Вышедшая в издательстве Ленинградского университета книга А. В. Гадло посвящена исключительно важному периоду истории народов Северного Кавказа — второй половине I тыс. н. э., когда на территории между Азовским и Каспийским морями шло образование первых крупных этнополитических объединений, с которыми многие современные народы этой области связаны непосредственной генетической преемственностью.

Широко используя разнообразные источники — письменные, археологические, фольклорные, лингвистические, этнографические, автор впервые анализирует этническую историю не отдельных народов, а народов всего северокавказского региона в целом. Такой подход к проблеме позволяет ему сделать вывод, особенно актуальный в наше время в условиях неуклонно расширяющегося процесса сближения народов Северного Кавказа. «В течение второй половины I тыс. н. э., — утверждает автор, — Северный Кавказ не оставался в стороне от того пути, по которому шло развитие других регионов Старого Света» (с. 210), и «несмотря на исключительную сложность и напряженность» его политической истории, основным направлением этнических процессов в регионе было стремление населявших его общностей к усилению межэтнических связей, к политической и социальной интеграции (с. 5). Эта мысль буквально пронизывает книгу и делает ее созвучной современности, хотя в ней повествуется о событиях, хронологически весьма удаленных от наших дней.